

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF JOURNALISM

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599

УДК 0.70

Научная статья / Research article

Сравнение как средство убеждения и инструмент манипуляции: особенности применения в медиапространстве

Л.А. Брусенская , И.В. Беляева

*Ростовский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69*

 brusenskaya_1@mail.ru

Аннотация. Манипулятивные приемы вербальной коммуникации сравнительно недавно переместились в фокус исследовательского внимания (классическая риторика была сосредоточена на честной аргументации и затрагивала проблему манипулирования только в части критики «негодных приемов убеждения», которыми пользовались софисты). В многочисленных современных исследованиях к манипулятивным приемам причисляется фактически вся тропика, и остается неясным, что переводит способ усиления изобразительности и выразительности в деструктивный прием скрытого воздействия. Конечно, эта неясность порождается природой объекта: для объяснения манипулятивности необходимо погружаться в сферы интенционального, с трудом поддающегося верификации. Однако разграничивать тропику в ее исконной роли, с одной стороны, и в манипулятивных целях, с другой, – чрезвычайно важно. С помощью дискурсивного анализа, позволяющего идентифицировать манипуляцию, с использованием индуктивно-дедуктивного метода и метода лингвопрагматического анализа анализируются условия, при которых применение языковых средств вообще и тропа «сравнение» в частности становится манипулятивным. Делается попытка на примере тропа «сравнение» прояснить условия его некорректного, то есть манипулятивного, использования. Манипуляция деструктивна, даже если опирается на тропику, потому для окультуривания публичного пространства ее нужно хорошо опознавать.

Ключевые слова: вербальная манипуляция, убеждение, тропы, фигуры речи, сравнение

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002 «Разноуровневые речевые конститuentы конфликтной коммуникации».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Брусенская Л.А., Беляева И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 29 мая 2022 г.; откорректирована 12 июня 2022 г.; принята к публикации 28 июня 2022 г.

Для цитирования: Брусенская Л.А., Беляева И.В. Сравнение как средство убеждения и инструмент манипуляции: особенности применения в медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 590–599. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599>

Comparison as a means of persuasion and a technique of manipulation: features of application in media space

Ludmila A. Brusenskaya , Irina V. Belyaeva

*Rostov State University of Economics,
69 Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation*

 brusenskaya_1@mail.ru

Abstract. Manipulative techniques of verbal communication have rather recently moved into the focus of research attention (classical rhetoric was focused on honest argumentation and touched upon the problem of manipulation only in terms of criticism of “unsuitable persuasion techniques” used by sophists). In numerous modern studies, virtually the entire tropic is considered to be manipulative techniques, and it remains unclear what transforms the method of enhancing figurativeness and expressiveness into a destructive method of latent influence. Of course, this ambiguity is generated by the essence of the object: to explain manipulativeness, it is necessary to dive into the spheres of the intentional, which is difficult to verify. However, it is extremely important to distinguish between the tropics in its original role, on the one hand, and tropics used for manipulative purposes, on the other. Based on discursive analysis, which makes it possible to identify manipulation, using the inductive-deductive method and the method of linguopragmatic analysis, the authors study the conditions under which the use of linguistic means in general and the comparison trope in particular becomes manipulative. On the example of the trope comparison the authors attempt to clarify the conditions of its incorrect, it means manipulative, use. Manipulation is destructive, even if it bases on the tropics, and therefore for the cultivation of public space it is necessary to detect this technique.

Keywords: verbal manipulation, persuasion, tropes, figures of speech, comparison

Acknowledgements and Funding. The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project No. 21-512-07002 “Various-Level Speech Constituents of Conflict Communication.”

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 29, 2022; revised June 12, 2022; accepted June 28, 2022.

For citation: Brusenskaya, L.A., & Belyaeva, I.V. (2022). Comparison as a means of persuasion and a technique of manipulation: Features of application in media space. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 590–599. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-590-599>

Введение

Вербальная манипуляция – сложный и неоднозначный феномен, который в последние десятилетия привлекает пристальное внимание междисциплинарной науки (Запругаева, Шишлянникова, 2021; Моротов, 2016; Шагбанова, 2020; Barnhill, 2014; Baron, 2014; Klejberg, 2013; Manne, 2014; Mills, 2014; Rashkin et al., 2017; Wood, 2014 и мн. др.), хотя нельзя сказать, что многочисленные изыскания привели к построению единой и непротиворечивой теории манипулятивного воздействия. До сих пор сильна традиция нетерминологического использования сочетаний «вербальная или речевая манипуляция» в значении «речевое воздействие» или даже «коммуникация» (поскольку предполагается вездесущность манипулирования вследствие особенностей знаковой природы языка). Однако более отвечающим природе вещей представляется понимание манипуляции только как одного из видов речевого воздействия, который имеет специфические признаки и существенным образом отличается от других видов – честного убеждения, приказа, обмана. Главным признаком манипулятивности считается скрытый характер воздействия (Хазагеров, 2006; Беляева, 2009; Куликова, 2017; Лобас, 2011; Навасартян, 2017; Петрова, 2020 и др.). Г.Г. Хазагеров особо подчеркивает, что при манипуляции адресат речи «оказывается отсеченным от независимых источников информации, вследствие чего воспринимает информацию некритически».¹ Это в принципе некорректный, даже нечестный прием, что имплицитно передано в определении В.И. Карасика, который считает, что манипуляция – это «двуплановый коммуникативный поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду», который «противопоставляется в структурном плане одноплановым, в функциональном отношении – полиинтерпретируемым и моноинтерпретируемым целостно-маркированным действиям» (Карасик, 2015, с. 232). Понятия «манипуляция» и «обман» разводятся на основании противопоставленности различным типам истины – гносеологической и онтологической. Установление гносеологической истины требует анализа того влияния, которое оказывается высказыванием (текстом) на адресата (Беляева, 2009).

Итак, манипуляция – особый тип воздействия, обладающий специфическими признаками (перечисленными в цитируемых трудах), а не всеобщая черта коммуникации в целом (тотальное манипулирование приписывается прежде всего политическому дискурсу и рекламе; см., например: Карамова, 2016, с. 84). Подразумевая, прежде всего, понимание манипуляции как деструктивного явления, имеющего перечисленные признаки, проследим векторы современных исследований манипулятивного воздействия.

Основные векторы в изучении вербальной манипуляции

Ярким образцом расширительного толкования термина «манипуляция» может служить известная работа С.Г. Кара-Мурзы (2002), где доказывается, например, манипулятивность фильма С. Говорухина «Ворошиловский стре-

¹ Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 19.

лок» (любимого, как минимум, двумя поколениями в нашей стране). Режиссер, по мысли С.Г. Кара-Мурзы, сознательно «канализирует» недовольство людей, направляет его по заданному руслу: объектом социальной неприязни избран владелец ларька, ставший насильником, а не реальные виновники российской катастрофы. Однако, во-первых, социальная неприязнь в фильме «канализируется» (если пользоваться образом С.Г. Кара-Мурзы) в том числе и на представителей власти (ср. знаменитые фразы типа *«А где она, власть? Одни кабинеты, и в каждом хмырь»*), на прием к которым ходили главные персонажи фильма; а во-вторых, неясно, по каким критериям определено, что имеет место эта «сознательная канализация» народной ненависти.

В чисто лингвистических работах расширительное представление о манипуляции проявляется в том, что к манипулятивным средствам относят фактически все тропы, все топоры, все языковые средства, формирующие системность (синонимию, многозначность и т.д.), единицы всех уровней языка (см., например: Шагбанова, 2020, с. 72). Иногда в качестве манипулятивных средств называются отдельные категории и единицы, однако без уточнения условий, при которых они обретают манипулятивные функции, ср.: «Значительный манипулятивный потенциал рунет-текста сосредоточен в средствах выражения темпоральности и модальности» (Моровов, 2016, с. 8). В статье М.Я. Запрягаевой и А.М. Шишлянниковой (2021) дан такой ряд манипуляционных приемов – метафора, ирония, повтор. Даже в диссертационных положениях на защиту, где нужна предельная конкретика, встречаем неправомерные обобщения, когда манипулятивным объявляется «использование коммуникативной категории „свой – чужой“, выразительных средств языка (повторов, риторических вопросов, сравнений, метафор, языковой игры)» (Навасартян, 2017, с. 3). Дело в том, что общий перечень языковых категорий и риторических приемов как источников манипуляции неинформативен, он оставляет нерешенным самый главный вопрос: когда, почему, при каких условиях они становятся средством манипулирования, а при каких, напротив, являются источником персуазивности (убедительности), а также образительности и выразительности?

В работах последних лет наметилась позитивная тенденция – внимание все больше обращается на возможности противодействия манипуляциям (мы имеем в виду именно научные труды, а не популярные книжки типа «Скажи „нет“ манипулятору» с обиходными советами, как избежать авторитарного давления в межличностном общении). Так, «демонтажу» манипуляций посвящена диссертационная работа М.В. Петровой «Речевая контрманипуляция в русскоязычных видеоблогах» (2020) (см. также: Копнина, 2018). Не думаем, однако, что сам термин «контрманипуляция» удачен (ибо в корне остается пейоратив «манипуляция», а речь идет об активном противодействии, которое само по себе не обладает перечисленными признаками манипулятивного воздействия).

И самое важное состоит в том, что в последнее время стали появляться работы, где авторы обращают внимание как раз на те факторы, которыми обусловлена манипулятивность языковых и риторических средств. Пионерской в этом отношении стала диссертационная работа П.П. Лобаса (2011). Различие между убеждением и манипулированием с помощью тропов определяется автором так: убеждение связано с «актуализацией денотативной информации,

а манипулирование со сдвигом в сигнификате знака и/или в создании нужной коннотации». «Головные метафоры» (которые в аристотелевской традиции можно характеризовать как скрытые сравнения) используются для убеждения, в то время как концептуализирующая метафора служит главным средством манипулирования. Символ выдвигается в первый ряд манипулятивных средств, поскольку он «наибольшим образом защищен от критической рефлексии» (Лобас, 2011, с. 5). Если гипонимы чаще всего связаны с изобразительностью, то гиперонимы – с политической демагогией и манипуляциями (Лобас, 2011, с. 6). Важные положения содержатся в цитируемой работе и относительно манипулятивности разных типов метонимии, иронии, гиперболы и мейозиса, а также манипулятивности риторических топосов. К сожалению, далеко не во всех случаях осуществлена конкретизация выдвинутых положений на языковом материале (как это сделано относительно топоса «определение»), но в любом случае ценно разграничение убеждающей и манипулятивной функций одного и того же языкового или риторического приема.

В докладе на пленарном заседании VI Международной научно-практической конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура» (РУДН, 21–22 апреля 2022 г.) Т.Б. Радбиль остановился на манипулятивности рефлексивов и объяснил, в каких случаях выражения типа *в полном смысле слова, в буквальном смысле* становятся манипулятивными. «В рамках реализации говорящим специфической манипулятивной коммуникативной стратегии *de re* адресату навязываются некоторые мнения, позиции, трактовки, которые не предполагают дальнейшего обсуждения как раз в силу того, что говорящий, в рамках стратегии *de re*, использует универсальную оправдательную и усиливающую значимость сказанного формулу, которая вызывает к неким исходным, базовым, первоначальным понятиям, к общеизвестным истинам. На этом фоне провоцируются и различные отклонения от логики, от истинного смысла, к которому, казалось бы, и апеллирует сам говорящий» (Радбиль, 2022, с. 10). Разбирая текст, где о Сирии сказано, что *это в буквальном смысле наш сосед*, Т.Б. Радбиль отмечает, что логическая неувязка (Сирия нам не сосед) не рефлектируется адресатом именно вследствие «магии» выражения *в буквальном смысле*. Такого рода рефлексивы ни к какому буквальному смыслу как раз и не апеллируют. Возможная манипулятивность выражения *в полном смысле слова* связана с его «прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке» (Радбиль, 2022, с. 11).

Таким образом, утверждение об участии тех или иных языковых единиц в формировании манипулятивности текста должно быть обосновано, ибо нет ни тропов, ни топосов, ни грамматических форм или лексических единиц, которые изначально заведомо были бы предназначены для манипулирования.

Эвристические и прагматические возможности сравнения: персуазивность vs манипулятивность

Проанализируем, возможно ли манипулятивное использование «категории категорий» – сравнения (при этом будем иметь в виду, что избирается такая трактовка базового тропа, при которой сравнение рассматривается ко-

гнитивно и, собственно, лингвистически в качестве элемента системы языка в целом, а также риторической подсистемы). Сравнение – объект междисциплинарных исследований, и прежде всего в них подчеркивается эвристическая функция сравнений, то есть их способность обеспечить более широкое видение объекта. Объекты, сближаемые в сравнении, различаются многими чертами, особенно в случае принадлежности сравниваемых объектов к далеким друг от друга сферам. В номенклатуре тропов выделяется компарация – вид сравнения, в котором сходство обнаруживается между далекими объектами². Эвристическая функция, а также то, что, в отличие от метафоры, в сравнении названы оба компонента сопоставления, по-видимому, исключают манипулятивность: эксплицитное рациональное сравнение позволяет критически вдуматься в его суть. Однако сравнение обладает и мощным прагматическим, оценочным потенциалом, и это может стать основой манипуляций.

В исследованиях по рекламе давно отмечено, что даже ущербное с логической точки зрения сравнение позволяет создавать эффект преимущества и даже уникальности, и потому процветают «ложные сравнения» типа: *это больше, чем просто компьютер; нет более сухих подгузников, чем Huggies* и др. В случае, когда нет возможности указать реальные преимущества товара, рекламисты прибегают к сравнению с обычным изделием (это обычный стиральный порошок, обычное моющее средство и т. п., а это «Ариэль», Tide или Fairy). Подобные сравнения могут дезинформировать потребителя, внушить ему представление о товаре, расходящееся с реальностью, и это побуждает ставить вопрос об их соответствии «Закону о рекламе», переводит проблему в область этико-лингвистической нормативности и права. Ср. яркий пример, когда объекты для сравнения что называется «притянуты за уши», и это производит даже комическое впечатление. Общее название рекламного текста «*Открытие, которое изменит вашу жизнь*», а подзаголовок, где помещен цитируемый фрагмент, назван «*Только лучшие удостоены наград*».

«Помните фильм «Москва слезам не верит»? Это же легенда отечественного кинематографа! И ведь спустя годы фильм взял-таки Оскар. И так не только в кинематографии. В медицине аналогично. Медицинским изделием становятся только достойные аппараты, прошедшие массу проверок и клинических испытаний. И АВРОРА именно такой аппарат!»³.

Как видим, в рекламе медицинского аппарата «Аврора» (который, если верить тексту рекламы, с помощью инфракрасного излучения лечит артрит) легендарный фильм и медицинское изделие сопоставляются по параметру «лучший, признанный, удостоенный наград». Авторы рекламного текста не удосужились проверить, когда фильм «взял-таки» Оскар: это случилось в 1981 г. (фильм снят в 1979), то есть не «спустя годы» – это просто неверная информация. В этом тексте много и других манипулятивных фрагментов: «*В этом аппарате есть все, что вам нужно! Клинические испытания АВРОРЫ проходили в ведущих клиниках России* (не указано, где конкретно). *И результат превзошел все ожидания! Невероятно эффективный прибор. Наша АВРОРА – это настоящая революция в борьбе с изнуряющими болезнями*»

² Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 204.

³ Открытие, которое изменит вашу жизнь // Аргументы недели. 2022. № 19. С. 5.

и т. п. Однако манипуляция с использованием сравнения оказывается самой впечатляющей.

Некорректные сравнения используются не только в рекламе, ср.: «*Конкретно в наш колледж троичник уже давно попасть не может.., – объясняет директор подмосковного колледжа „Энергия“ (г. Реутов) Нерсес Нерсесян. <...> – Детям у нас учиться в разы интереснее*»⁴.

Выполняя прагматические функции, сравнения могут формировать экспрессивный подтекст, создавать эмоциональный оценочный фон, а это уже предпосылки для возможных манипуляций.

В газете «Собеседник» есть саркастическая рубрика «Тоска почета», персонажем которой («За советы») стала телеведущая Ольга Скабеева, ср.: «*Ведущая „60 минут“, которые в последнее время растянулись на много часов, „посоветовала“ актрисе Татьяне Лазаревой „пойти мыть унитаза“.* По мнению Скабеевой, это лучше, чем участвовать в украинской юмористической передаче „Байрактар News“, где Татьяна играет специального корреспондента, зачитывающего сводки как бы смешных новостей. А мы знаем еще одну, тоже довольно смешную программу, лучшие участия в которой тоже мытье сортиров»⁵. Думаем, что это чисто манипулятивное сравнение как со стороны О. Скабеевой, так и со стороны неназванного автора текста, который имеет в виду передачу «60 минут» и не слишком вуалирует свою мысль: лучше мыть сортиры, чем участвовать в передаче «60 минут».

Ср. также заголовок статьи «*Мать „вундеркинда“ замучена родами и живет, как под гипнозом*»⁶, где речь идет о семье Алисы Тепляковой, которая в 9 лет стала студенткой МГУ. У автора Р. Лялина явно негативное отношение к необычной семье, но сравнение, вынесенное в заголовок (*живет, как под гипнозом*), в статье не аргументируется с достаточной убедительностью и оставляет много вопросов: как может жить будто под гипнозом многодетная мать с множеством семейных обязанностей, которые она исправно выполняет?

Не надо думать, что исключительно яркая интенциональность или пейоративность переводит сравнение в область манипулятивных техник. Ср.: «*А вот Галкину на родине еще очень долго будут припоминать, что в трудный для страны час он повел себя как Иуда*»⁷. При том что сравнение в высшей степени оскорбительное, его вряд ли можно считать манипулятивным, потому что на протяжении всей статьи автор стремится аргументировать свой вывод (а приведенной фразой статья заканчивается). М. Филимонов предполагает, что антироссийские выступления Галкина хорошо оплачены. Отдельный вопрос – достоверность этих сведений, однако они приведены как аргумент *ad rem*.

⁴ Шигарева Ю., Борта Ю., Дуэль А., Голубь Ю., Сизова М., Смирнов А. Поступательное движение. Обойдут ли колледжи вузы по числу учащихся? // Аргументы и факты. 2022. № 21. С. 10.

⁵ За советы // Собеседник. 2022. № 15. С. 2.

⁶ Лялин Р. Мать «вундеркинда» замучена родами и живет как под гипнозом // Комсомольская правда. 2022, 18 мая. С. 8.

⁷ Филимонов М. Брат Галкина заработал миллионы на торговле оружием // Экспресс газета. 2022. № 20. С. 9.

Заключение

Итак, сравнение, как и все остальные тропы, может служить первоначальному и основному предназначению – выступать как персуазивное средство, то есть средство убеждения, а может быть использовано неправомерно, с манипулятивными целями. Манипулирует рекламист, если стремится использовать в маркетинговых целях позитивные ассоциации, которые сформированы у сравниваемого объекта, и тем самым вводит в заблуждение потребителя. Манипулирует и медийный автор, если сравнение подменяет аргументацию, если оно используется вне доказательного контекста. Манипуляция деструктивна, даже если опирается на тропику, и потому для окультуривания публичного пространства ее нужно хорошо опознавать.

Список литературы

- Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: монография. Ростов н/Д.: СКАГС, 2009. 244 с.
- Запругаева М.Я., Шишлянникова А.М. Приемы вербального и невербального манипулятивного воздействия в телевизионной коммуникации (на материале ток-шоу «60 минут») // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: материалы V Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 262–266.
- Карамова А.А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 3. С. 84–90.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-пресс. 2002. 490 с.
- Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
- Копнина Г.А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 7–19.
- Куликова Э.Г. Вербальное манипулирование как нарушение этико-речевых норм // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 66–75.
- Лобас П.П. Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011. 19 с.
- Моровов Д.В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 2016. 24 с.
- Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 172 с.
- Петрова М.В. Речевая контрманипуляция в русскоязычных видеоблогах: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 153 с.
- Радбиль Т.Б. Манипулятивный потенциал метаязыковых комментариев в языке современных русских интернет-СМИ // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (РУДН, 21–22 апреля 2022 года): 2 т. Т. 1. М.: РУДН, 2022. С. 8–15.
- Хаззагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. 48 с.
- Шагбанова Х.С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 72–80.

- Barnhill A. What is manipulation? // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 51–73. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Baron M. The men's rea and moral status of manipulation. *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 98–121. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0005>
- Cave E.M. Unsavory seduction and manipulation // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 176–201. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Klejberg Yu. Epatage and manipulation: concept and deviantological nature // Вестник МГОУ. Психологические науки. 2013. № 4. С. 41–46.
- Manne K. Non-Machiavellian manipulation and the opacity of motive // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 221–247. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0011>
- Mills C. Manipulation as an aesthetic flaw // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 135–151. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0007>
- Rashkin H., Choi E., Yea Jang J., Volkova S., Choi Y. Truth of varying shades: analyzing language in fake news and political fact-checking // *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Copenhagen: Association for Computational Linguistics, 2017. Pp. 2931–2937. <http://doi.org/10.18653/v1/D17-1317>
- Wood A.W. Coercion, manipulation, exploitation // *Manipulation: theory and practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. Pp. 17–51. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>

References

- Barnhill, A. (2014). What is manipulation? In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 51–73). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Baron, M. (2014). The men's rea and moral status of manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 98–121). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0005>
- Belyaeva, I.V. (2009). *The phenomenon of speech manipulation: Linguistic and legal aspects*. Rostov-on-Don: Publishing House of North Caucasus Academy of Public Service. (In Russ.)
- Cave, E.M. (2014). Unsavory seduction and manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 176–201). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Karamova, A.A. (2016). Manipulative potential of grammatical means in modern political discourse. *Proceedings of Volga State University named after V.N. Tatishchev*, 1(3), 84–90. (In Russ.)
- Kara-Murza, S.G. (2002). *Manipulation of consciousness*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)
- Karasik, V.I. (2015). *Language spiral: Values, signs, motives*. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Khazagerov, G.G. (2006). *Party, power and rhetoric*. Moscow: Evropa Publ. (In Russ.)
- Klejberg, Yu. (2013). Epatage and manipulation: Concept and deviantological nature. *Proceedings of the Moscow State University. Psychological Sciences*, (4), 41–46.
- Kopnina, G.A. (2018). Countermanipulation in speech communication: Some perspectives of study. *Communicative Research*, (2), 7–19. (In Russ.)
- Kulikova, E.G. (2017). Verbal manipulation as a violation of ethical and speech norms. *Humanities and Social Sciences*, (3), 66–75. (In Russ.)
- Lobas, P.P. (2011). *Tropics, synonymy, topic as a means of persuasion and manipulation (based on the material of socio-political texts)*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Rostov-on-Don. (In Russ.)

- Manne, K. (2014). Non-Machiavellian manipulation and the opacity of motive. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 221–247). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0011>
- Mills, C. (2014). Manipulation as an aesthetic flaw. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 135–151). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0007>
- Morovov, D.V. (2016). *Verbal means of manipulation in the Russian-language extremist text (based on the Runet material)*. Abstract of PhD. Philol. Sci. Dis. Nizhniy Novgorod. (In Russ.)
- Navasartyan, L.G. (2017). *Linguistic means and speech techniques of manipulation by information in media (based on the material of Russian newspapers)*. PhD. Philol. Sci. Dis. Saratov. (In Russ.)
- Petrova, M.V. (2020). *Speech counter manipulation in Russian-language video blogs*. PhD. Philol. Sci. Dis. Krasnoyarsk. (In Russ.)
- Radbil, T.B. (2022). Manipulative potential of metalanguage comments in the language of modern Russian Internet media. *Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture: Proceedings of 6th International Scientific and Practical Conference* (vol. 1, pp. 8–15). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Rashkin, H., Choi, E., Yea Jang, J., Volkova, S., & Choi, Y. (2017). Truth of varying shades: Analyzing language in fake news and political fact-checking. *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing* (pp. 2931–2937). Copenhagen: Association for Computational Linguistics. <http://doi.org/10.18653/v1/D17-1317>
- Shagbanova, H.S. (2020). Linguistic means of speech manipulation. *Theories and Problems of Political Research*, 9(5A), 72–80. (In Russ.)
- Wood, A.W. (2014). Coercion, manipulation, exploitation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 17–51). New York: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>
- Zapryagaeva, M.Ya., & Shishlyannikova, A.M. (2018). Techniques of verbal and nonverbal manipulative influence in TV communication (based on the material of the talk show “60 minutes”). *Media Linguistics. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of 5th International Scientific Conference* (issue 8, pp. 262–266). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Брусенская Людмила Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0003-3044-7033. E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Беляева Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0001-6350-8600. E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

Bio notes:

Ludmila A. Brusenskaya, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0003-3044-7033. E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Irina V. Belyaeva, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0001-6350-8600. E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru